

КОЛЛО д'ЭРБУА и НАЧАЛО ФЕДЕРАЛИСТСКОГО ВОССТАНИЯ

Англия. Франция. Германия. Мусульманский Восток.
/ Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Брянск, 2000. С.33-39.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Будущий якобинец Жан Мари Колло д'Эрбуа родился в 1750 г. в Париже. Почти ничего не известно о детских и юношеских годах политика, но имеются сведения о его артистической карьере и литературной деятельности: Колло играл в труппе, разъезжавшей по Франции, а иногда выступавшей и за ее пределами: в Швейцарии и Голландии. Утверждения о том, что он был некогда освистан в Лионе и потом, будучи комиссаром Конвента в мятежном городе, мстил жителям, не соответствует действительности. [А.Олар](#), напротив, отметил его способности и успехи на театральном поприще.¹ Показательно, что перед Революцией Колло уже был директором упомянутой разъездной труппы.

Литературное творчество не было равнозначным. За 20 лет из-под его пера вышло большое количество драматических произведений, но наряду с серьезными вещами встречались и подделки. По приезду в 1789 г. в Париж Колло написал пьесу в прозе «Семья патриотов», которая имела успех. [См. на нашем сайте [ПРОТИВ ЧЕРНОЙ ЛЕГЕНДЫ: очерк деятельности КОЛЛО д'ЭРБУА](#), в том числе прилагаемый список сочинений Колло. - *Ред.Liberta*]

В столице наш герой вскоре стал известен как народный оратор. В том же 1789 г. он вступил в Якобинский клуб. Но если поначалу Колло был одновременно и членом умеренного «Общества 1789 г.», то уже в 1790 г. он определенно обнаружил свою принадлежность к демократическому лагерю. Его заступничество за взбунтовавшихся в Нанси швейцарских солдат резко контрастировало с позицией Учредительного собрания, одобрявшего репрессии генерала Буйе против восставших. Но, будучи демократом, Колло долгое время оставался монархистом. Уже после бегства короля в Варенн он издал «Альманах отца Жерара», где развивал идеи конституционной монархии. Эта работа, пользовавшаяся большой популярностью, получила премию как содержащая наилучшее разъяснение крестьянам выгод конституции. Поддерживая ограниченную монархию, Колло разделял в ту пору взгляды многих демократов, в частности Робеспьера.

Но по мере развития революции он перешел на республиканские позиции. 2 марта 1792 г., выступая у якобинцев, Колло с похвалой отозвался о «республиканских народах». Интересно отметить, что Робеспьер, присутствующий на этом заседании, потребовал изъять из речи Колло слово «республиканский».

Наступило [10 августа 1792 г.](#) Народное восстание сделало Колло членом Парижской Коммуны. Затем его избрали в Национальный Конвент. Здесь он показал себя решительным противником монархии. 21 сентября 1792 г. именно Колло первым предложил упразднить королевскую власть. В ходе [процесса над Людовиком XVI](#) он высказался за немедленную смертную казнь.

Уже на этом этапе своей деятельности Колло поддерживал санкюлотский терроризм. 5 ноября 1792 г. в Якобинском клубе он оправдывал «сентябрьские убийства». Без 2-го сентября не было бы и Национального Конвента - таков лейтмотив его речи. Линия Колло отличалась от легалистской тактики Робеспьера, он разделял крайнюю позицию Марата. «Надо становиться бесчувственным к крикам скорби, исходящим от аристократов»,² - говорил Колло.

В борьбе партий в Конвенте он, не колеблясь, стал на сторону Горы. Часто обрушивался на жирондистских лидеров, причем особенно доставалось Ролану. Но и жирондисты, направлявшие главный удар против Робеспьера, Марата и Дантона, не щадили и Колло. В своем «Воззвании ко всем республиканцам» [Бриссо](#) обличал тех, кто хочет все уравнивать - земли, имущества и цены на съестные припасы. Среди людей, которых он называл дезорганизаторами, мы, наряду с Маратом, Робеспьером и Шабо, находим также Колло.³

Между тем Франция переживала ответственный период в своей истории. Перед страной вырисовывалась альтернатива: торжество свободы, неограниченное право собственности, рыночная экономика или отказ от политического плюрализма, установление режима чрезвычайщины, террор, регламентация и регулирование хозяйственной жизни, уравнительство в социальной сфере? Первый вариант отстаивали жирондисты, стремившиеся сохранить прорывы начала революции в драматических условиях войны и внутривластного разлада. Против либеральных ценностей выступали секционные вожаки, организовавшие давление санкюлотов на представительную власть. Измена главнокомандующего генерала Дюмуре, поражение французских войск на фронтах, контрреволюционное вандейское движение и крайнее обострение продовольственной проблемы подорвали позиции жирондистов и привели к их свержению в результате парижского восстания 31 мая - 2 июня 1793 г.

Но пришедшие к власти якобинцы не торопились встать на путь, альтернативный жирондистской политике. Они еще не были готовы окончательно порвать с гуманистическими идеями Просвещения и запустить на полные обороты маховик репрессий. Особенно противились якобинцы введению всеобщего максимума цен, которого добивались санкюлоты.

Парижские события были болезненно восприняты в провинции. Зажиточные собственники обнаруживали сильнейшее беспокойство в связи с требованиями и выступлениями секционеров-уравнителей. Диктат столицы давно раздражал власти на местах. Ответной реакцией на установление якобинского режима стало федералистское восстание, охватившее более 60 департаментов.⁴

Новый кризис добавил осторожности политике монтаньяров. Перед его лицом они активно добивались консолидации разных социальных сил вокруг своей власти. На симпатии широчайших слоев крестьянства были рассчитаны летние аграрные декреты. А [принятая 24 июня 1793 г. Конституция](#) объявляла неограниченными права собственника, вопреки прежним предложениям Робеспьера, ставившим их в зависимость от права других людей на существование. Таким образом хотели привлечь на свою сторону [приверженцев Жиронды](#) и успокоить мятежные департаменты. Но, с другой стороны, нельзя было оставлять без внимания городской плебс, устремления которого как раз и задевали некоторые права собственников.

В сложной, полной противоречий обстановке среди якобинцев выявились адепты двух тактических линий. Большинство тяготело к замирению с восставшими департаментами, избегало репрессий против их властей и даже части жирондистских деятелей (за исключением лидеров). Меньшинство подталкивало к беспощадной борьбе с Жирондой, обрушивалось не только на враждебных, но и просто недостаточно ревностных администраторов на местах. Ко второй группе, наряду с руководством Парижской Коммуны, Маратом, Левассером из департамента Сарты, Рафроном дю Трюе,

На практике это выглядело следующим образом. На заседании Конвента от 11 июня 1793 г. представители города Лаваль (департамент Майенн) зачитали адрес секций этой коммуны Национальному Конвенту: «Законодатели! Великая нация, которая хочет быть свободной, доверила вам свою судьбу и передала осуществление своего суверенитета. Вы можете сделать ее счастливой; ваши средства безграничны; что вы сделали до сих пор, чтобы этого достигнуть? Мы вам скажем с откровенностью истинных республиканцев: совершенно ничего. Находясь с начала вашей деятельности между деспотизмом и анархией (чудовищами, одинаково враждебными свободе), не для того ли вы сразили первое, чтобы быть поработченными вторым?» Выступление явно прожирондистского толка; тон резкий. Потребовали возвращения изгнанных депутатов. «По какому праву вы примите Конституцию в их отсутствие?» Перешли к угрозам: «Мы предупреждаем, что, если истинно республиканская Конституция не будет подготовлена к обсуждению к 1-му июля, мы назовем вам преемников».⁵

Казалось, осуждение должно быть всеобщим. [Марат](#) назвал петиционеров людьми с улицы Вивьен. Другие монтаньяры потребовали их ареста. Особенно активен Левассёр. Решителен и Колло: «... ни одна коммуна не имеет права посылать своих представителей к этой решетке (решетке Конвента - *С.Ф.Блуменау*), чтобы разжигать огонь гражданской войны. Я говорю, что подобный адрес тем более опасен, что способствует планам контрреволюционеров». По мнению Колло, петиционеры говорили не от лица народа, а

выразили мнение администраторов. Он назвал их друзьями Кобурга, Питта и Дюмурье.⁶ Однако, столь явные противники Горы не встретили единодушного отпора. Президент Конвента Маларме приветствовал «чистоту патриотических чувств» петиционеров, «любовь к порядку и законам» и пригласил их на заседание. «Успокойтесь, - добавил он, - эпоха Конституции будет эпохой нашего объединения».⁷ Маларме протянул посланцам города Лаваль оливковую ветвь мира.

Наш герой оставался яростным критиком департаментских властей, сторонником решительных мер в отношении не только к мятежникам, но и к их пособникам. Так, Колло осудил администрацию департамента Ньевр, где был некоторое время в качестве комиссара Конвента. По его словам, лишь отозвание помешало предпринять необходимые акции. Особенно резко высказался Колло в адрес генерального прокурора-синдика Баллара. «Генеральный прокурор-синдик Ньевра давно известен как умеренный и друг аристократов, именно в нем причина губительной для свободы беспечности всех жителей департамента».⁸ Колло парализовал попытку депутата Дамрона защитить своего земляка. Он добился декрета, согласно которому Баллар должен быть допрошен Комитетом общественной безопасности.⁹

Еще один пример решительности Колло. Народное общество обвинило администрацию департамента Марна в том, что она действовала заодно с федералистами. Депутат Делакура из Марны предложил ограничиться вызовом генерального прокурора-синдика департамента в Комитет общественной безопасности. Колло же настаивал на его аресте.¹⁰

Другой случай. Перед Конвентом выступил от имени 18-ти секций Нанта мэр этого города Бако. Воздав должное национальному представительству и Конституции, он пытался защитить одного отстраненного военачальника, а также депутата, которому вынесено порицание. Бако хотел бы видеть французов к 10-му августа объединенными, уважающими законы и забывшими всякую злобу. «Тогда, - говорил он, - и только тогда не будут больше отчаиваться в спасении родины». И хотя Дантон ответил: «Не будучи виноватым, никто и никогда не осмеливался сказать, что отчаивается в спасении родины», он все же пригласил Бако на заседание и даже согласился с некоторыми его аргументами.¹¹

Колло же дважды выступил против мэра. Когда выяснилось, что последний превысил полномочия, данные ему Коммуной Нанта, Колло стал настаивать на его изгнании, защищая право остальных петиционеров присутствовать на заседании. «Этот человек по собственному побуждению пришел потрясать факелом гражданской войны»,¹² - заключил наш герой.

Колло выступал не против отдельных администраторов, как могло показаться. По его мнению, нельзя давать провинциальным властям никаких лазеек. Администрация Ньевра отеклась от своего мятежного постановления, лишь увидев его непопулярность; этим не замедлят воспользоваться и другие мятежные администраторы. Генеральный прокурор-синдик Марны не содействовал наведению порядка в департаменте, так как был с миссией в Париже, где просил о помощи. Мнение Колло: «Миссия не может быть оправдательным мотивом; любой функционер попытается таким образом уйти от закона». Он полон недоверия к департаментским властям. «Из 86 генеральных; прокуроров-синдиков не найдется и десятка настоящих патриотов».¹³

Большая часть якобинцев не была настроена столь радикально. 26 июня 1793 г. по инициативе Робера Лендэ восставшим против Конвента местным властям дали трехдневный срок, чтобы они могли отказаться от этого предприятия. Отрешенные 14 июня от должностей администраторы Соммы предоставили свои объяснения. Комитет общественного спасения отослал данных деятелей обратно, не причинив им никакого вреда. Выступая с докладом по делу «объявленных под арестом депутатов», Сен-Жюст предлагал вернуть в Конвент 14 из них, которых он называл заблуждавшимися.¹⁴

При определенных различиях в позициях двух групп якобинцев по отношению к мятежным департаментам их роднило то, что все они не только не поддерживали, но и осуждали призывы санкюлотских вожаков и «бешеных» к дальнейшему развертыванию террора и установлению твердых цен. Когда 4 июня один из представителей последних - Леклерк, выступая в генеральном совете Коммуны, заявил: «Почему вы так медлите расправиться с вашими врагами? Почему вы боитесь пролить несколько капель крови?», то один из самых радикально настроенных якобинцев Эбер назвал его дурным гражданином.

Со своей стороны, Колло обвинил Леклерка, что, запугивая лионцев гильотиной, тот содействовал их восстанию.¹⁵

Примирительная тактика якобинцев принесла известный эффект. Во многих департаментах возмущение, лишённое широкой общественной поддержки, быстро сошло на нет. Но в нескольких крупных городах оно приняло масштабный характер и для его подавления пришлось бросить серьёзные силы. В отношении Лиона, Марселя и сданного англичанам Тулона прежняя линия совсем не подходила.

К тому же общая военная ситуация развивалась в худшую сторону. Нарастал и натиск на правительство со стороны городского плебейства. Но решающее значение имела внутренняя логика революций, превращающая противников смертной казни, гуманистов в приверженцев крайних мер. В сентябре 1793 г. якобинская «партия» встала на путь всеобщего максимума и репрессалий. Колло д'Эрбуа сохранил в этой «партии» свое место на ее левом фланге. Вскоре он печально прославился жесточайшим террором в отношении лионцев.

© Vive Liberta

Примечания

1. *Aulard A. L'eloquence parlementaire pendant la revolution francaise: Les orateurs de la Legislative et de la Convention. T.1-2. P., 1885-1886. T.2. P.502.*
2. *Ibid. P.505.*
3. *Матъез А. Французская революция. М.-Л, 1930. Т.2. С.72.*
4. Об этом см.: [Гордон А.В. Федералистский мятеж: Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г. // Французский ежегодник. 1967. М., 1968.](#)
5. *Archives parlementaires de 1787 a 1860: Premiere serie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T.66. P.436-437.*
6. *Ibid. P.437.*
7. *Ibid. P.437.*
8. *Ibid. T.68. P.318, 367.*
9. *Ibid. P.653.*
10. *Ibid. P.652.*
11. *Ibid. T.70. P.125.*
12. *Ibid. P.127.*
13. *Ibid. T.68. P.582.*
14. *Матъез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С.392.*
15. *La Societe des Jacobins: Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. T.1-6. P., 1889-1897. T.5. P.282.*